

Л.Е.Бляхер
БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ
И МЕДЛЕННОЕ БЫТИЕ
НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ФРОНТИРАХ
КАЗУС ПРИАМУРЬЯ

Ключевые слова: фронтир, Приамурье, Дальний Восток, навязанный порядок, Большая история, дискурс

¹ См, напр. *Замаятина [Zamjatina] 1998.*

² *Каспэ [Kaspe] 2007: 12.*

³ *Бляхер [Blyakher] 2014.*

⁴ *Пастухов [Pastukhov] 2014.*

Фронтиры уже достаточно давно превратились в один из любимых объектов исследований обществоведов¹. Причина вполне очевидна. Поскольку в силу отдаления от смыслового центра институциональные размерности и четкие правила игры на фронтах несколько ослаблены², там порой проступают некие закономерности, невидимые или с трудом видимые в иных локалах, где они включаются в многочисленные «затемняющие» контексты и сопоставляются с реалиями прошлого (часто чужого), имеющими к ним довольно слабое отношение.

Одной из таких закономерностей, связанной с характером изменений, происходящих в нашей стране, и их восприятием, посвящена данная статья. О том, что здесь все далеко не просто, свидетельствует политическая публицистика последних лет. С одной стороны, постоянно фиксируется невероятная, небывалая скорость смены политических форм, хозяйственных правил игры, ее финансовых и силовых условий³. С другой стороны, при попытке заглянуть в хоть сколько-нибудь отдаленное прошлое возникает ощущение, лучше всего передаваемое словами: «ничего не меняется», «Россия ходит по кругу»⁴. Так меняется или не меняется? И если что-то остается неизменным, то насколько оно неизменно? Именно об этом я и хочу порассуждать.

Эмпирической основой моих рассуждений будет история осмысления и постоянного «освоения» одного из фронтальных регионов России — Дальнего Востока, точнее, его исторически возникшей части — Приамурья. Выбор Приамурья связан не только и не столько с большей доступностью для меня необходимого фактического материала, сколько с тем, что именно на этом фронтире — вернее, по отношению к нему — сложился особый тип дискурса, суть которого достаточно полно передается термином «пустое пространство» (мир, где ничего нет). Понятно, что, будучи осмыслена, «пустота», тем более заключенная в рамки политических границ, неизбежно порождает стремление ее освоить. Такое «освоение» и стало своеобразной визитной карточкой региона.

При этом все подобного рода проекты заканчивались примерно одинаково: брошенными стройками, километрами зарастающих травой дорог, заколоченными окнами домов. Разобраться в причинах описанного положения вещей (четко укладывающегося в модель Джеймса Скотта⁵) в контексте предложенных выше вопросов я и постараюсь в настоящей работе.

Однако прежде чем приступать к решению этой задачи, попробую в общем виде обрисовать саму проблему восприятия изменений и их последствий.

**Долгое время
истории
и человеческая
жизнь**

⁶ См., в частности, Хайдеггер [Heidegger] 2002.

⁷ Голенков [Golenkov] 2002: 19—22.

⁸ Подробнее см. Бляхер [Blyakher] 2005: 12—16.

⁹ Бахтин [Bakhtin] 1975: 101—104.

В классических трудах Мартина Хайдеггера⁶ обращается внимание на фундаментальное противоречие между «посылом бытия», длительностью истории как формы бытийствования человечества, и протяженностью индивидуальной человеческой жизни. В отличие от «посыла бытия», сознание человека телеологично. Оно настоятельно требует неких значимых ориентиров, которые позволят индивиду выстроить и наделить смыслом свою жизнь, вписать ее в Большую историю. Напряженная работа человека по созданию Большой истории, то есть системы ориентиров, целей и событий, свидетельствующих о большей или меньшей близости обозначенных целей, и фиксируется Хайдеггером в качестве *Maß*, человеческого конструирования бытия, бытия принципиально неподлинного⁷, иного по отношению к *Sein* (собственно бытию).

В относительно стабильные периоды истории продукты человеческого конструирования и собственно «посыл бытия» уживаются вполне бесконфликтно. Длительность «посыла бытия» и сравнительная медленность Большой истории позволяют не замечать расхождений. Цели зримы и очевидны, пусть даже они и воплотятся после завершения индивидуальной жизни. Не менее очевидно выстраивается цепь событий-ориентиров. Соответственно, не ставится под сомнение и осмысленность человеческой жизни. В подобных условиях нет особой необходимости подстегивать историю. Политика, хозяйство, культура и т.п. существуют во вполне устойчивых и предзаданных формах. Они попросту «гасят» стремление отдельных индивидов как-то повлиять на ход истории. Видимо, в этом достаточно комфортном существовании и кроется притягательность разнообразных просветительских концепций. Будущее в них представлено как некий идеальный проект, по отношению к которому настоящее — только этап, ступенька. До тех пор пока цели остаются неизменными, а события продолжают отмечать дорогу к ним (или, по крайней мере, поддаются такой интерпретации), и сам проект, и совместное бытие *Sein* и *Maß* сохраняются⁸. Человек действует в «оговоренном»⁹, концептуализированном до него и помимо него мире. Но сам этот мир дает ему возможность осмыслить и высказать себя, хотя и на чужом языке.

Совершенно иначе обстоят дела в ситуации, когда события, выступающие маркерами правильности движения к цели, не происходят

¹⁰ Фукуяма
[Fukuyama] 2007.

или происходят не так и не там либо когда цель, которая мыслится как достигнутая¹⁰, оказывается неадекватной своему образу. В этот момент согласованность человеческого и исторического бытия рушится. Возникает Dasein, вот-бытие, мгновенно осознаваемое несоответствие реальности нашим представлениям о ней. Причем несоответствие, которое нельзя устранить с помощью интерпретации. Более того, по мере того как интерпретации усложняются, они все меньше организуют индивидуальное бытие, размывают и цели, и сами события. Так, бесконечное перенесение в будущее наступления коммунизма в СССР, как и маркеров, свидетельствующих о приближении этого события, в конце концов привело к деструкции всей системы бытия советского человека, попытке найти новые ориентиры в продукте альтернативного конструирования.

Мир рушится, становится «чужим» — вернее, воспринимается в качестве такового. Из еще вчера понятного и «данного в ощущениях» он превращается в «лицемерный», «тоталитарный», с которым нужно бороться и который следует отвергнуть или, на худой конец, игнорировать. Осознается его искусственность. И это не некая уникальная черта борцов с советским режимом. Нечто подобное можно обнаружить и у ранних итальянских фашистов, убежденных в «неестественности» (слабости, коррумпированности и т.п.) предшествовавшей политической формы¹¹. Да и антифашистские и постфашистские тексты часто исходят из представления о чужом, бесчеловечном, искусственном и т.д. «режиме»¹².

¹¹ Подробнее см.
Felice 1969.

¹² См. Арндт
[Arendt] 2000.

Но если жизнь не сводится только к биологическому существованию, то даже в условиях распавшейся длительности сохраняется склонность к телеологическому восприятию реальности, точнее, потребность в телеологии. Поскольку же реальность упорно не желает вписываться в заявленные цели, ее необходимо изменить, сконструировать те события-маркеры, которые почему-то не произошли. В этот момент возникает прогрессорство, стремление ускорить, переконструировать или исправить историю с помощью самого сильного инструмента мобилизации, придуманного человечеством, — государства. Появляются государственные проекты преобразования реальности. Они предполагают создание жестких условий для соединения части и целого, для включения человеческой жизни в общее «тело народа».

Причина жесткости в целом достаточно очевидна. Единственной длительностью, которая сохраняет статус реальности, остается длительность человеческой жизни. Однако эта длительность, как и ее содержание, индивидуальна, слабо поддается типизации и мобилизации в большие сообщества, а значит, мало подходит для задач Больших государственных проектов ускорения истории. Но иной системы отсчета, укорененной в реальности, просто нет. Соответственно, возникает необходимость конструирования Большой истории, градуированной длительностью индивидуальной человеческой жизни. В этом напряжении и существует прогрессорство, порой трактуемое как модернизация.

В ходе подобного рода конструирования Большой истории используются два механизма. Первый из них можно обозначить как «слипшееся время». Некий выделенный и мифологизированный участок прошлого осмысливается в качестве идеального проекта и выносится в будущее в виде цели, детерминирующей текущую ситуацию. Прошлое и будущее как бы слипаются, раздавливая настоящее. Здесь же отыскивается и источник мобилизации. Если идеальный проект прошлого был разрушен или не смог полностью воплотиться, то виной тому некие «темные силы», противостояние которым в настоящем — необходимое условие и залог его реализации в будущем. И это опять же касается не только оваянного легендами «советского проекта», поднимаемого на щит в сегодняшней России. Мифологизированное прошлое, как и борьбу за прошлое, можно обнаружить в недрах любого режима, стремящегося ускорить или переделать историю. Иначе просто не получается структурировать настоящее, охватывающее собой разные и не всегда соотносимые индивидуальные и групповые «приключения». Вместо «посыла бытия» возникает некий аналог восточного «всегда» («так было всегда»), все чаще встречающийся в современных попытках объяснить видимую реальность¹³. При этом такого рода «всегда» начинает воспроизводиться и в рамках контрдискурса. Привычные сентенции об имманентно присущем нашим согражданам патернализме, о тяге к рабству и т.п. имеют ту же природу.

¹³ Шербина
[Shherbina] 2014.

Но описанная конструкция тоже должна быть не только вечной («всегда»), но и соотносимой с длительностью жизни конкретного индивида. Это обеспечивается за счет использования второго механизма — персонификации. В некоей персоне (монархе, вожде, лидере и т.д.) сосредоточена сила и мудрость вечного, безусловно благого времени. Он — агент последних изменений, после которых искомое благо будет достигнуто и потребность в изменениях отпадет. Примечательно в этом плане, что и апологетика, и борьба в России строятся не вокруг сколько-нибудь концептуализированного режима, а вокруг самой фигуры лидера. Солидаризируются не с режимом, но с Путиным, борются с ним же. Он выступает своеобразным мостиком, позволяющим сделать вечность соразмерной длительности человеческой жизни. Тем самым человек получает возможность транслировать смыслы вечности в собственное существование. Мысль о смертности лидера выносится за скобки в любом — как лоялистском, так и оппозиционном — рассуждении, придавая квазибессмертие и самому рассуждающему. В лучшем случае для рационализации такого бессмертия лидера вводится концепт «коллективный Путин»¹⁴, как прежде «вечно живой Ленин». В результате возникает некий аналог Большого (вечного) времени, при этом еще и необычайно быстрого, не превышающего искомой, индивидуальной, длительности. Все, что не вписывается в мобилизационную модель реальности, стремительно меняющейся вечности, вытесняется в маргинальные зоны с помощью бесконечного нормирования, механизм которого блестяще описан Мишелем Фуко¹⁵.

¹⁴ http://slon.ru/russia/razvilki_budushchego_variant_3_kollektivnyy_putin-718341.xhtml

¹⁵ См. Фуко
[Foucault] 1999.

Наиболее беспрепятственно подобное конструирование происходит не в рамках смыслового центра, где оно постоянно наталкивается на островки знания, препятствующего мифологизации, а на периферийных территориях, прежде всего на фронтах. И в этом отношении опыт российского Дальнего Востока представляется особенно показательным.

**Пустой
Дальний Восток:
как это было...**

Термин «Дальний Восток» применительно к неким территориям Российской империи, да и вообще к русским территориям, появился достаточно поздно — в начале XX в., причем в весьма специфической ситуации. После получения в аренду территории будущей КВЖД и Ляодунского полуострова в условиях постепенного втягивания Северного Китая и Кореи в сферу российских экономических интересов возникло Дальневосточное наместничество, включавшее в себя Приамурское генерал-губернаторство (уже Россия) и Квантунскую область (еще не совсем Россия). Его наименование соотносилось скорее не с российской окраиной как таковой, а с претензией на овладение всей Северо-Восточной Азией¹⁶. Иначе говоря, вполне в духе британской геополитической модели Дальний Восток понимался как Китай и прилегающие к нему страны; сама же политика России в регионе мыслилась как продолжение «большой игры» в Средней Азии¹⁷. Для обозначения собственно российских земель использовался термин «Приамурье» (Приамурское генерал-губернаторство, Приамурский край, приамурская окраина и т.п.¹⁸). При этом само Приамурское генерал-губернаторство (край) охватывало собой Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, Владивостокское военное губернаторство и о. Сахалин. Северные (континентальные) районы современного ДФО входили в Якутскую область, подчинявшуюся иркутскому генерал-губернатору. И это было вполне логично с учетом специфики климата и типа хозяйствования. Территория Приамурья рассматривалась прежде всего как сельскохозяйственная и торговая¹⁹.

¹⁶ Хромов [Khromov] 1950: 357.

¹⁷ Сергеев [Sergeev] 2012.

¹⁸ См. Унтербергер [Unterberger] 1912.

¹⁹ Гачечиладзе [Gachechiladze] 1926.

²⁰ История [Istorija] 1991: 243.

Благодаря усилиям немецких, американских и отечественных предпринимателей «железный конь» еще на рубеже XIX и XX вв. пришел на смену крестьянской лошадке (а также сохе и иным примитивным орудиям). Урожайность в южных уездах региона (где, собственно, люди и жили) была выше, чем в целом по стране. Обеспеченность земель определялась исключительно физическими возможностями крестьянской семьи. Насколько хватало сил, столько и засевали («захватное землепользование»)²⁰.

Развивалась переработка сельскохозяйственной продукции, мукомольная, винокуренная и лесная промышленность, рыболовство, добыча полезных ископаемых. Немногим более миллиона жителей приамурской окраины давали товарной продукции на сумму от 80 до 130 млн. («царских») рублей в год²¹ — и это при том, что порядка 80% населения региона составляли крестьяне, производившие далеко не

²¹ Там же: 266.

только товарную продукцию. Еще в недобром 1917 г. росли города и обороты торговли, открывались газеты и больницы, гимназии и женские курсы. Принимал абитуриентов Восточный институт — первое высшее учебное заведение в регионе, созданное усилиями местных благотворителей.

Однако, пожалуй, самым удивительным было почти полное отсутствие концептуализации этого процветания. В виде концепций и идеологий оформлялось не развитие Приамурья или Приморья, входившего в Приамурское генерал-губернаторство, а геополитические образы «желтороссии», китайских и корейских территорий, которые должны были быть экономически и транспортно «притянуты» к Транссибу²².

Приамурское генерал-губернаторство существовало в «тени» зарубежной Маньчжурии (Монголии и Северного Китая), которая рассматривалась как основной фокус российской геополитики на востоке²³. Но эта «тень» оказывалась вполне комфортной. Военные, морские и железнодорожные подряды позволяли местной буржуазии накапливать капитал, который потом инвестировался ею в рудники, лесные участки, заводы и склады уже на русской территории²⁴.

Грандиозное строительство КВЖД, Порт-Артура и Дальнего, инициированное и финансировавшееся из Петербурга, но осуществлявшееся приамурскими подрядчиками, а также продолжавшееся переселение на Дальний Восток создавали устойчивые рынки сбыта для сельскохозяйственной продукции, для лесопилок, силикатных и пищевых предприятий, горнодобывающего комплекса. Импульс к развитию был настолько силен, что даже трагические события мировой войны и революции на хозяйстве региона сказались не особенно сильно. Это обстоятельство плохо вписывалось в образ «разоренной империализмом России», спасаемой большевиками. Не случайно первый руководитель Дальбюро, а затем Дальневосточного крайкома КПСС Николай Кубяк жаловался на «кулацкую» природу местных жителей, сетуя, что настоящей бедноты здесь нет и потому опереться не на кого²⁵. И действительно, социально-экономическая ситуация на приамурской окраине не предполагала значительного числа бедняков. Но без них не срабатывала онтология большевизма. Сложившееся («ненормальное») положение нужно было как-то исправлять. Приамурье должно было стать бедным и пустым регионом. Для решения этой задачи использовалось несколько технологий.

Начну с объективных обстоятельств. Подворовая перепись 1916 г. фиксирует в регионе почти полтора миллиона жителей. По переписи 1926 г. их существенно меньше — при том что в состав Дальнего Востока вошли Забайкалье и Якутия. Меняется и структура населения. Если в 1916 г. доля сельских жителей в регионе превышала 80% (регион-то сельскохозяйственный, земля — главное богатство), то в 1926 г. их уже менее половины²⁶. Откуда же такие изменения? Конечно, многие погибли на войне, которая здесь велась и против Советов, и против японцев, и против Колчака. Но не только они дали это сокращение.

²² Балабан
[Balaban] 1910.

²³ См. Межуев
[Mezhuev] 1999:
29—38.

²⁴ Штейнфельд
[Shteijnfel'd] 1910.

²⁵ Черная
[Chernaja] 2011:
86.

²⁶ http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_26.php.

Вслед за проклинаемым и демонизируемым в советских источниках атаманом Григорием Семеновым и правительством братьев Меркуловых из Приамурья в Китай переселяются сотни тысяч жителей региона. Переносят туда свою деятельность торговые дома Чурина, Бабинцевых, Кунста и Альберса. Переезжают в Харбин наследники «золотого короля» Харлампия Тетюкова, «лесного и угольного короля» Леонтия Скидельского. За реку перебираются крестьяне и купцы, чиновники и инженеры, священники и врачи²⁷.

²⁷ Крадин [Kradin] 2001: 12—16.

В принципе тогда это и не воспринималось как отъезд на чужбину. Северный Китай (территория КВЖД) практически был частью России. Русская администрация, русский бизнес, российский рубль — основная валюта²⁸. Просто там не было большевиков. Поток переселенцев потек через прозрачные границы после первых же указов новой власти. Этими указами, по сути, запрещалась частная лесная и рыболовная деятельность, обобществлялись заводы и транспорт, лесопилки и мельницы (то есть именно то, что кормило).

²⁸ Аблова [Ablova] 2004: 43—47.

Оставшиеся жители подвергались преследованиям, раскулачиваниям, ссылкам. Так, в ссылке сгинула большая часть Плюсниных — одной из самых известных купеческих семей в Хабаровске. Впрочем, и те, кто перебрался за реку, не были в полной безопасности. В первые годы советской власти не редкостью были рейды на китайскую территорию красных кавалеристов, вырезавших целые деревни русских крестьян²⁹.

²⁹ Галенович [Galénovich] 1992: 43—46.

В результате всех этих мероприятий регион действительно стал пустым. Пустоту требовалось заполнить. Тут все просто. Потоки переселенцев (правда, на этот раз не совсем добровольных) хлынули на дальневосточную окраину. Согласно переписи 1939 г., в регионе насчитывалось уже более трех миллионов жителей³⁰. Ехали по-разному.

³⁰ http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php.

Кто-то, как знаменитый Аркадий Гайдар, бежал от личных проблем, от разлада в семье. Кто-то надеялся на новой земле избежать статуса «лишенца». Кого-то гнал голод, уже охвативший Украину. Кого-то везли в вагонзаке. Ехали и романтики — строить новую жизнь. Долгое время переезд на Дальний Восток воспринимался примерно так, как поколение 1960—1970-х годов воспринимало полет в космос. Всю историю советского Дальнего Востока на нем строили что-то небывалое, идеальное. Правда, ни разу план не удался полностью.

³¹ Бляхер, Пегин [Blyakher, Pegin] 2011: 126.

По проектам ведущих мировых архитекторов создавали первый «город будущего» — Биробиджан³¹. Не вышло. Потом был самый знаменитый дальневосточный проект — город на заре (Комсомольск-на-Амуре). Результат тот же. Позже были Амурск и БАМ. Опять не получилось. Но тысячи и тысячи энтузиастов отправлялись сюда возводить невиданные романтические города... при военных заводах.

³² См. Кузин [Kuzin] 2004.

Именно военные производства стали основой экономики региона³². Экономика необычайно странной, затратной, убыточной. Ведь заводы строили не там, где для этого были ресурсы. Ни трудовых, ни каких-то иных ресурсов там не обнаруживалось; все — от людей до продовольствия, инструментов и горючего — приходилось завозить. В итоге

продукция этих заводов имела такую себестоимость, что они могли существовать только при условии гигантской и постоянной государственной поддержки. Однако, как известно, на армии мы не экономим.

³³ Blum 1998.

Продолжал развиваться и горнодобывающий комплекс. Руда, особенно золотая, штука нужная. Но ковали «золотой щит Родины» главным образом узники ГУЛАГа. По подсчетам демографов, к их числу относился почти каждый десятый житель региона³³. Если же добавить охрану, лагерную администрацию и иной люд, кормившийся от лагерей, то и пятая часть населения получится. Эти переселенцы к процветающей приамурской окраине Российской империи уже отношения не имели.

Но для надежности пустоту региона следовало закрепить, продолжить в прошлое. Здесь-то и был задействован концепт Дальнего Востока. Если раньше, как уже говорилось, этот термин использовался для геополитического, да и географического обозначения региона, охватывавшего Китай, Японию и многое другое, то теперь возник Дальний Восток СССР, включивший в себя, наряду с Приамурьем, Якутию и Колыму. То обстоятельство, что в последних проживало ничтожное меньшинство населения региона, во внимание не принималось. Зато резко упала средняя температура. Редкие для обжитой части Дальневосточного края (Приамурья) холода в -40 градусов неожиданно стали нормой — ведь в Якутии температура и до -70 падает. Поскольку основная масса жителей была сосредоточена на юге и по берегу океана, существенно снизилась расчетная плотность населения. И уж совсем малозначимым и бессмысленным в новом — холодном и пустом — регионе представало сельское хозяйство. Даже сгонять в колхозы почти никого не пришлось. Крестьяне региона проголосовали ногами. Привози спецпереселенцев или кого-то еще — и вливай сразу в колхоз. Если же колхоз, на свою беду, вдруг окажется слишком успешным, как в интернациональном селении Амурзет, его всегда можно ликвидировать, попутно расстреляв председателя³⁴.

³⁴ Козак [Kozak] 2001: 34—41.

Чрезвычайно важным моментом при этом было конструирование соответствующего образа прошлого. Первопроходцы — герои фильмов и книг — всегда приходили на «пустое место», в дикую природу. То, что еще в 70-е годы XX в. активно использовались амбары, мельницы, лесопилки, оставшиеся от далекого 1922-го (года установления советской власти), как-то выпадало. Работы по истории региона всегда строились как описание тщетных попыток заполнить пустоту — невероятных, но пропавших втуне усилий. Сходным образом конструировалась и бедность населения. При том что средний крестьянский участок в европейской части России составлял три десятины на человека, исследователи Дальнего Востока СССР относили к беднякам крестьян, засевавших 10 десятин. Ведь бедняков должно быть много больше, чем остальных. То же происходило и с рабочими. Зарплата рабочего в регионе была в 2—3 раза выше, чем в целом по стране. Но... трудные условия, холод, болезни. (Видимо, иные части страны этих проблем не знали, так как были расположены исключительно в субтропиках.) Да и школы для

³⁵ История
[Istorija] 1991: 387.

детей рабочих, бесплатные городские больницы и т.д. сильно осложняли жизнь трудовому народу³⁵.

В результате возник устойчивый образ, получивший легитимацию через научные труды и художественные творения, — образ вечно осваиваемого и остро нуждающегося в государстве Дальнего Востока. Через обретение и кодификацию дискурса навязанный порядок — заводские поселки и военные части — превратился в естественный. Ведь так было всегда. Регион всегда был пуст. Всегда ему угрожали китайцы и японцы (особенно, наверное, те из них, которых русские переселенцы нанимали для помощи в освоении новых земель). Всегда решающую роль в нем играла армия. Навязанный порядок постепенно превращался в объективные условия существования. Тем более что навязывался он людям, уже получившим художественно-школьную «прививку» именно такого Дальнего Востока.

Новые люди прибывали в самый настоящий пустой и холодный регион. Жили в лагерях и рабочих бараках. И это было нормально. Так было *всегда*. Здесь всегда голодали и мерзли. Рассказы старожилых о былом богатстве края воспринимались как местный фольклор, основанный на идеализации прошлого и противоречащий заключениям историков.

Идеальное состояние переносилось не столько во времени, сколько в пространстве. Оно неизменно оказывалось за пределами региона, на западе, в России. Тем самым регион, теперь уже с новым именем Дальний Восток, предстал не вполне Россией. Складывалось впечатление, что подобный порядок, укорененный в вечности, но при этомменяемый героями-первопроходцами и «решениями партии» (соотносимостью с индивидуальной продолжительностью жизни), полностью заместил собой историческое бытие. Через Большие проекты он был связан к Большой истории.

³⁶ Подробнее см.
Ремнев [Remnev]
2011.

Прошлое состояние изначально не было обрамлено дискурсом. В отличие от дискурса Сибири (в виде «областничества»³⁶, с которым вело борьбу еще имперское правительство), дискурс Приамурья не сложился. Блестящие исследования края писались для внешнего, а не для внутреннего применения. Теперь этот «немой» период и вовсе стал уходить в небытие. Слишком медленный для подгонявших время прогрессоров-большевиков, он был, казалось, обречен на исчезновение. Однако в самой структуре «спешащих» (подгоняющих время) режимов есть нечто, вынуждающее их неявно способствовать возрождению «медленного бытия». Начало возрождаться оно и на Дальнем Востоке.

**Незаметная
поступь истории,
или Прорастание
естественного
порядка
на Дальнем Востоке**

Проблема заключалась в том, что ресурсов на полноценное содержание городов при заводах и военных частях не хватало. Государственные ресурсные потоки кормили совсем не щедро. Впроголодь жили далеко не только те, кто находился за колючей проволокой. О постоянной хозяйственной неразберихе, из-за которой не успевали поступать станки, люди, продовольствие, вспоминают почти все

³⁷ Говорухин
[Govorukhin] 2007:
93.

современники³⁷. А «северный завоз» до сих пор остается кошмаром дальневосточных губернаторов. Отсюда и главная стратегия региональных руководителей — выпрашивать ресурсы у Москвы. Причем, что интересно, совсем не на рыболовство, не на земледелие, не на лесное дело (это как-то жило самостоятельно, несмотря на «дальневосточные надбавки»), а на военные заводы. Деньги выделялись — но их все равно было мало. Проклятые заводы съедали все.

³⁸ Говорухин
[Govorukhin] 2007:
93.

Потому и приходилось местному начальству сквозь пальцы смотреть на «дачки» и «приусадебные участки», сравнимые по размерам с крестьянскими наделами в европейской части Российской империи. Приходилось закрывать глаза на сбор дикоросов, браконьерство на путине и многое другое. Приходилось почти подпольно вкладываться не в заводы, за которые отчитывались, а в поля и фермы³⁸. В результате на фоне устойчивого дискурса (навязанного и закрепленного) о пустом регионе постепенно начинал прорастать спонтанный порядок, тот самый, который не предполагался прогрессорами. Специфика региона в данном случае заключалась лишь в том, что, в отличие от большинства территорий позднего СССР, власти здесь не только боролись со спонтанным порядком, но и до известной степени поддерживали его.

Ведь местные руководители отвечали и за решение социальных вопросов. А без частичного отклонения от «генеральной линии» решить эти вопросы не удавалось. Поскольку же отклонялось руководство, то и на отклонения остальных жителей смотрели мягче. Частные цеха по заготовке рыбы и изготовлению колбас, частные пасеки и т.п. появились в регионе задолго до указа об индивидуальной трудовой деятельности. Именно наличие этих форм активности смягчало противоестественность военно-индустриального развития сельскохозяйственного региона с относительно слабой заселенностью и богатейшей ресурсной базой. Именно благодаря им становилось возможным функционирование «флагманов индустрии» при довольно слабой пропускной способности Транссиба, не обеспечивавшей заводам и городам при заводах даже выживания.

Существуя в полулегальной, а порой и нелегальной сфере, эта «медленная реальность» породила необычное для Советского Союза явление — высочайший уровень межличностного доверия. Ведь доверие институциональное в условиях «тени» было невозможно. Это доверие и позволило региону относительно мягко пережить распад СССР.

Жизнь за пределами бухгалтерии

Традиция жизни за пределами бухгалтерии, сформировавшаяся в то время, стала важной составляющей самосознания дальневосточников. Именно она позволила им выжить в трудных условиях катастрофического распада страны и почти мгновенного разорения большинства заводов-гигантов, построенных с огромными жертвами. При исчезновении навязанного порядка порядок спонтанный не просто выходит на поверхность, но вполне может стать основой для нового институционального оформления общества. Для этого достаточно его артикулиро-

вать, оформить в виде целостного дискурса. В какой-то момент казалось, что такой дискурс возникает. Но «тень» начинает мстить за себя. Ни в 1990-е годы, ни позже дискурс «медленной» истории, естественной жизни так и не сложился. Регион остался во власти мифов³⁹.

³⁹ См. Бляхер [Blyakher] 2004.

В прошлом году коллеги из Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН исследовали практики адаптации населения Дальнего Востока в 1989—2013 гг. В проекте, к которому я имел некоторое отношение, было много интересного. Но самым интересным и показательным для меня было почти полное выпадение 1990-х годов из сознания респондентов. Люди с трудом вспоминали о «той жизни», путали 1990-е и горбачевскую перестройку, пересказывали на начало путинской эпохи. То же обнаружилось и в ходе интервьюирования, которое я проводил в малых городах региона при поддержке Фонда социальных исследований «Хамовники». Частично я уже обращался к этому материалу в своих работах⁴⁰.

⁴⁰ Бляхер [Blyakher] 2013.

Реальность 1990-х годов попросту стерта из сознания наших сограждан. В поисках причин подобного поворота событий можно, конечно, в духе Зигмунда Фрейда начать рассуждать о вытеснении невыносимых переживаний, о психологических травмах и социальных неврозах. И какая-то логика в этом, наверное, будет. Собственно, об этом и говорят обличители «лихих девяностых» и «криминального беспредела». Но наряду с такой моделью объяснения произошедшего возможна и другая, которую я и постараюсь привести.

Отмена шестой статьи Конституции СССР и последующие события, связанные с разгромом ГКЧП, привели не только к ренессансу Советов всех уровней, но и к формированию самых разных площадок для обсуждения и согласования позиций. Были ли они демократическими в том смысле, который вкладывала в это понятие столичная интеллигенция, инициировавшая перестроечные и постперестроечные процессы? Вероятно, нет. Они были разными, как разными были люди, которые до хрипоты спорили на этих площадках.

В результате за несколько постсоветских лет из этого варева стали выкристаллизовываться более или менее внятные групповые и территориальные интересы, а также группы влияния как форма отстаивания этих интересов. Они имели очень слабое отношение к тем смыслам и ценностям, которые вдохновляли диссидентское движение и «прорабов перестройки», но они были естественными, отражавшими реальные различия и установки населения страны. Постепенно из локальных площадок вырастали более крупные объединения, региональные и надрегиональные (ассоциация «Сибирское соглашение», ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» и т.п.). По сути, речь шла о формировании естественных политических партий. Они были не похожи на своих европейских собратьев. Они отражали другую реальность — может, поэтому и ушли неузнанными.

Что же представляли собой эти группы и партии? Что происходило в тот период в России? Опять же все очень по-разному. Сосредоточимся на нашем территориальном объекте — Дальнем Востоке.

Итак, начало 1990-х годов. Еще не стерлась память о «дальневосточных надбавках». Еще живут на Дальнем Востоке «приглашенные специалисты с бронированием квартир по прежнему месту жительства». Еще выезжают студенты в «подшефные» колхозы на заготовку сельхозпродукции. Но власть крайкомов и обкомов зашаталась. Идут напряженные переговоры между партийной и советской ветвями власти, пытающимися выработать какие-то разумные формы взаимодействия. А наиболее чуткие и партийные, и советские, и хозяйственные руководители срочно конвертируют свое положение в имущество⁴¹. Показательно, что чаще всего это не базовые для региона заводы, а те самые «невидимые объекты» — лесные деляны, рыболовные сейнеры, торговые корабли, золотоносные участки. Из этих людей и вырастут впоследствии первые дальневосточные «олигархи». Другим, и не менее распространенным, способом первоначального накопления капитала является программа научно-технического творчества молодежи, через которую комсомольская номенклатура перекачивает значительные суммы в «комсомольский» бизнес, который позднее составит основу слоя средних предпринимателей.

⁴¹ Черный
[Chernyij] 1998:
112.

Но гораздо более динамичные процессы протекают «внизу», в социальной толще. По старой доброй традиции, как только у страны возникают проблемы, массивные вливания в региональную экономику прекращаются. Краткий период конверсии приводит к стремительному обвалу «оборонки», кризису неплатежей. Однако на этих предприятиях «висит» социальное обеспечение целых районов и городов. Они содержат садики и школы, дома отдыха и больницы и многое, многое другое. Оборонные заводы разоряются — и вместе с ними разоряются сопутствующие производства (столовые, кондитерские цеха, мебельные фабрики и т.д. и т.п.). Люди, даже если они не уволены, месяцами не получают зарплаты. Те, кто может, бегут.

Среди «беглецов» достаточно явно выделяются три группы. Первая — это элита советской эпохи. Так сложилось еще в досоветские времена, что отъезд из региона был для чиновника одним из этапов карьеры. Обожевляемый на Дальнем Востоке граф Муравьев-Амурский прожил в Сибири менее 15 лет. Уезжали «с повышением» или «по выходу в отставку» и иные административные деятели. Для кого-то регион был местом вынужденной ссылки (барон Корф), кто-то рассматривал назначение туда как забавное приключение (губернатор-этнограф Николай Гондатти)⁴². В любом случае пребывание в регионе осознавалось как временное. Эта традиция сохранилась и в советские годы.

⁴² Дубинина
[Dubinina] 2007:
68—85.

Вполне понятно, что советские руководители Дальнего Востока загодя готовили себе плацдарм на «большой земле». Распад СССР и разорение «оборонки» были восприняты ими как знак — надо валить, и начальство отъехало на заранее подготовленные позиции. Уже к середине 1990-х годов в Москве и Петербурге сложились общины дальневосточных элитариев, перенесших сетевые принципы взаимоподдержки в столичные коридоры (и закоулки) власти.

Вторая группа — «приглашенные специалисты». Как известно, в советскую эпоху существовала распространенная практика вербовки для работы в отдаленных регионах квалифицированных инженеров, врачей, педагогов из европейских областей страны (при сохранении за ними права на жилплощадь и прописки по прежнему месту жительства). Здесь все было просто. Не успев врасти в новую почву, они пожимали плечами и возвращались домой.

И первая, и вторая группы уезжали всегда. В данном случае необычной можно назвать только массовость отъезда. Иначе обстояло дело с третьей группой — рабочими оборонных заводов и сопутствующих производств. Стремление к отъезду в их среде, как правило, было гораздо слабее выражено. Однако и здесь отъезд приобрел массовый характер⁴³. Заводы закрыты или скорее мертвы, чем живы. А с заводами связано все. Вот и бежали люди от заводского апокалипсиса. Бежали к родне, знакомым, полужнакомым. Собственно, они не особенно отличались от беженцев того же периода из воюющих постсоветских республик-государств. И беды на их долю выпадали примерно те же. Уехавший композитор вел кружок игры на гитаре в ПТУ, инженер работал портье в гостинице и т.д. Достаточно многие вдруг вспомнили о своих почти забытых немецких, польских, корейских и еврейских корнях и подались на историческую родину.

Но, несмотря на невероятную для советских времен массовость отъезда (уехал почти 10% населения, и до конца 1990-х годов отток продолжался)⁴⁴, большинство жителей Дальнего Востока, в отличие от прежних периодов «отката»⁴⁵, остается в регионе. При этом, чтобы выжить, они стремительно и хаотично переqualифицируются. «Невидимые», вспомогательные виды деятельности становятся основными. Начинается широчайшее «челночное» движение. Через внезапно открывшиеся границы в Китай отправляются самые разные люди. В свою очередь, в Приамурье едут розничные торговцы из Поднебесной. Приграничные территории превращаются в гигантские барахолки, где все торгуют всем⁴⁶.

Понятно, что подобного рода активность нуждалась в некотором самооправдании. Ведь, согласно еще не изжитым установкам советской эпохи, быть «спекулянтом» нехорошо. Здесь же «спекулянтами» оказались сотни и сотни тысяч человек. Оправдание было простым. Мы, жители региона, защищали и осваивали этот суровый край для России, для Москвы. Москва нас предала. И теперь мы пытаемся выжить. Все, что происходит, происходит вынужденно и имеет очевидную цель — выживание России. Там, на западе (в европейской части, за Уралом), России уже нет. Вся она здесь. Мы и есть настоящая Россия. Если для выживания могут пригодиться китайцы, нужно использовать и их. Да, взаимодействовать с ними неприятно. Да, они хитрые и замаскированные враги. Но мы хитрее врагов. Мы заставим их играть по нашим правилам. Эти мысли постоянно встречаются в интервью, собранных мною во второй половине 1990-х годов.

⁴³ *Мотрич*
[Motrich] 1993:
15—19.

⁴⁴ Там же: 27.

⁴⁵ *Подробнее см.*
Бляхер, Василь-
ева [Blyakher,
Vasilieva] 2009:
63—65.

⁴⁶ *Гельбрас*
[Gel'bras] 2004: 29.

Постепенно на фоне этой хаотической бизнес-активности вырывается и бизнес более высокого уровня. Лес и рыба, полезные ископаемые и металлы идут в Китай и Японию. Им навстречу движутся товары народного потребления, компьютеры, автомобили, продовольствие. Население, «освободившееся» после разорения крупных оборонных предприятий, устремляется в автобизнес.

⁴⁷ *Олсон [Olson] 1998.*

Бизнес нуждается в силовых услугах (долги, кредиты, партнерство и т.д.). Слабое государство эти услуги обеспечить не может. Государство тех лет — не стационарный бандит⁴⁷, а скорее назойливый нищий. Стационарными становятся бандиты обычные, хотя тоже разные. Вопреки всем легендам Колымы и «Ванинского порта», советских «воров в законе» в кратчайшие сроки почти полностью вытесняют новые операторы — «спортсмены», «афганцы», которые оказываются гораздо более эффективными. Регион выживает. Причем существенно по-иному, чем в предшествующие периоды «отката».

Дальний Восток, особенно его южная часть, неожиданно для себя начинает втягиваться в мировую экономику — во всяком случае, в экономику АТР. Возникает противоречивый, но вполне устраивающий местное сообщество образ региона. Мы, дальневосточники, ездим на японских машинах, одеваемся (в зависимости от достатка) в китайские, корейские или японские вещи, пользуемся японскими компьютерами. Но при этом именно мы — настоящие носители русской ментальности, преданной и извращенной «западниками». Россия — это здесь. Там, за Уралом, какая-то непонятная «неметчина». И как хозяева своей земли мы имеем право на все, что на ней находится. Это право мы готовы отстаивать — и перед Китаем, и перед Москвой.

⁴⁸ *Рожанский [Rozhanskij] 2013.*

Но события повернулись иначе. Расстрел Верховного Совета в октябре 1993 г. продолжился в виде «огня по регионам» (термин Михаила Рожанского⁴⁸). Все легальные и стремящиеся к легализации, публичности политические формы уничтожаются. Но не исчезают различия между территориями. Они медленно накапливались в советский период и актуализировались в постсоветский. Теперь они вместе с населением регионов отступают в «тьень», а на авансцену выходят «региональные бароны» — всенародно избранные всевластные защитники региональной неформальности.

⁴⁹ *Подробнее см. Бляхер [Blyakher] 2012.*

Они — именно и прежде всего защитники. Это основа их легитимности. Не случайно главным слоганом Виктора Ишаева на выборах конца 1990-х годов было «Моя партия — Хабаровский край». Сходным образом выстраивал свою легитимность губернатор Приморья Евгений Наздратенко. Защитники от кого? От китайцев, которые хотят слишком многого, и от Москвы, которая мешает выстраивать коммуникацию с китайцами. Но помимо того, что они защитники, они и верховные «разрешители», классические стационарные бандиты, обслуживающие свою территорию. Остальные «бандиты» либо встраиваются в губернаторскую иерархию, либо вытесняются из бизнеса⁴⁹. Однако вытесняются не только «бандиты», но и «москвичи». Попытки федерального

центра как-то утвердиться в экономике региона жестко блокируются — или сами «агрессоры» включаются в подконтрольные губернатору структуры. На излете 1990-х годов некоторые территории даже принимают законодательные акты, позволяющие игнорировать неприемлемые для них инициативы центральной власти.

Было ли это сепаратизмом? Совсем нет. Все эти действия совершались под лозунгом «Сильные регионы — сильная Россия». Более того, федеральный центр обеспечивал межрегиональные трансакции, обслуживал общероссийские госмонополии и пусть не очень щедро, но давал деньги на «социалку». Иными словами, и Москва, и Пекин были нужны региону — но в жестко обозначенных пределах. И поскольку публичные формы презентации региональных интересов отсутствовали, возникали иные, столь же неформальные, как и сама региональная экономика. Главным образом здесь и использовались мифы о пустом регионе, который вот-вот захватят китайцы.

Сам региональный дискурс оказывался симулякром, был чужим и мало соотносился с реальностью. Регион, да, вероятно, не только регион, оставался несказанным, молчащим. Поэтому самое драматическое и яркое десятилетие российской истории просто выветрилось из сознания населения. Для него не было слов и смыслов. Именно потому «вертикаль власти» и смогла утвердиться в регионе, подавив выступления населения и противостояние местной власти, что ни у первого, ни у второй не нашлось возможности сказать о самом факте своего бытия.

В результате мы видим очередной этап восхождения пустого региона к высотам Большой истории, очередной этап торжества Ман. Но, как и в предшествующий период, в порах нового порядка, в оставшихся «серых зонах» по-прежнему действуют «медленные структуры истории». Сегодня довольно много пишется о кризисе в регионах, о плачевном состоянии, чуть ли не смерти региональных экономик⁵⁰. При этом как-то выпадает из виду то обстоятельство, что речь идет о кризисе навязанного порядка — в то время как гигантский пласт реальности продолжает свое невозмутимое бытие за пределами бухгалтерии, в мире спонтанных организованностей.

⁵⁰ См., напр. Зубаревич [Zubarevich] 2010.

Библиография

- Аблова Н.Е. 2004. *КВЖД и российская эмиграция в Китае*. — М. [Ablova N.E. 2004. *KVZhD i rossijskaja eh migracija v Kitae*. — M.].
- Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни*. — СПб. [Arendt H. 2000. *Vita activa, ili O dejatel'noj zhizni*. — SPb.].
- Балабан А.П. 1910. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии // *Вестник Азии: Журнал Общества русских ориенталистов*. № 3 (Харбин) [Balaban A.P. 1910. *Kolonizacionnye problemy Kitaja v Man'chzhurii* // *Vestnik Azii: Zhurnal Obshhestva russkikh orientalistov*. № 3 (Kharbin)].
- Бахтин М.М. 1975. Слово в романе // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. — М. [Bakhtin M.M. 1975. *Slovo v romane* // Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki*. — M.].

Бляхер Л.Е. 2004. Политические мифы Дальнего Востока России // *Полис*. № 5 [Blyakher L.E. 2004. Politicheskie mify Dal'nego Vostoka Rossii // *Polis*. № 5].

Бляхер Л.Е. 2005. *Нестабильные социальные состояния*. — М. [Blyakher L.E. 2005. *Nestabil'nye social'nye sostojanija*. — M.].

Бляхер Л.Е. 2012. Региональные бароны // *Отечественные записки*. № 3 [Blyakher L.E. 2012. Regional'nye barony // *Otechestvennye zapiski*. № 3].

Бляхер Л.Е. 2013. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? (Государство vs. локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России) // *Полития*. № 2 [Blyakher L.E. 2013. *Mozhno li soglasovat' spontannyyj porjadok i policejskoe gosudarstvo?* (Gosudarstvo vs. lokal'noe soobshhestvo v malyx gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii) // *Politeia*. № 2].

Бляхер Л.Е. 2014. *За пределами бюджета, или Совсем другая Россия* [Blyakher L.E. 2014. *Za predelami bjudzheta, ili Sovsem drugaja Rossija*] (<http://gefter.ru/archive/12149>).

Бляхер Л.Е., Васильева Л.А. 2009. Дальний Восток России в режиме консервации: между «глобальной экономикой» и «государственной опекой» // *Полития*. № 2 [Blyakher L.E., Vasilieva L.A. 2009. *Dal'nijj Vostok Rossii v rezhime konservacii: mezhdu «global'noj ehkonomikoj» i «gosudarstvennoj opekoy»* // *Politeia*. № 2].

Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. 2011. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // *Полития*. № 1 [Blyakher L.E., Pegin N.A. 2011. *Birobidzhan: mezhdu «potemkinskoj derevnej» i nation-building* // *Politeia*. № 1].

Галенович Ю.М. 1992. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. — М. [Galenovich Ju.M. 1992. «Belye pjatna» i «bolevye tochki» v istorii sovetsko-kitajjskikh otnoshenijj. T. 1: Ot oktjabrja 1917 g. do oktjabrja 1949 g. — M.].

Гаччиладзе А. 1926. Общий обзор внешней торговли Дальнего Востока // *Экономика Дальнего Востока*. — М. [Gachechiladze A. 1926. *Obshhij obzor vneshnejj trgovli Dal'nego Vostoka* // *Ehkonomika Dal'nego Vostoka*. — M.].

Гельбрас В.Г. 2004. *Россия в условиях глобальной китайской миграции*. — М. [Gel'bras V.G. 2004. *Rossija v uslovijakh global'noj kitajjskoj migracii*. — M.].

Говорухин Г.Э. 2007. *Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона*. — Комсомольск-на-Амуре [Govorukhin G.Eh. 2007. *Vlast' i vlastnye otnoshenija v simboličeskom prostranstve osvajaemogo regiona*. — Komsomol'sk-na-Amure].

Голенков С.И. 2002. *Хайдеггер и проблема социального*. — Самара [Golenkov S.I. 2002. *Haidegger i problema social'nogo*. — Samara].

Дубинина Н.И. 2007. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // *История и культура При-*

амурья: *Научно-практический журнал*. № 1 [Dubinina N.I. 2007. General-gubernatorskaja vlast' v Priamurskom krae: ee osobennosti i ehvoljucija // Istorija i kul'tura Priamur'ja: Nauchno-prakticheskij zhurnal. № 1].

Замятина Н.Ю. 1998. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. № 5 [Zamjatina N.Ju. 1998. Zona osvoenija (frontir) i ee obraz v amerikanskij i russkij kul'turakh // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. № 5].

Зубаревич Н.В. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. — М. [Zubarevich N.V. 2010. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizacija. — M.].

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. 1991. — М. [Istorija Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma. 1991. — M.].

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — M.].

Козак А. 2001. Искатели счастья, или Воспоминания очевидца // *Лехаим*. № 9 [Kozak A. 2001. Iskateli schast'ja, ili Vospominanija очевидца // Lechaim. № 9].

Крадин Н.П. 2001. *Харбин — русская Атлантида*. — Хабаровск [Kradin N.P. 2001. Kharbin — russkaja Atlantida. — Khabarovsk].

Кузин А.В. 2004. *Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922—1941 гг.* Дисс. на соискание уч. степени д. ист. наук. — Иркутск [Kuzin A.V. 2004. Voennoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke SSSR: 1922—1941 gg. Diss. na soiskanie uch. stepeni d. ist. nauk. — Irkutsk].

Межуев Б.В. 1999. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX века) // *Полис*. № 1 [Mezhuev B.V. 1999. Modelirovanie ponjatija «nacional'nyj interes» (Na primere dal'nevostochnoj politiki Rossii konca XIX — nachala XX veka) // Polis. № 1].

Мотрич Е.Л. 1993. Население региона: изменение тенденций // Минакир П.А. (ред.) *Экономическая реформа на Дальнем Востоке: Результаты, проблемы, концепция развития*. — М. [Motrich E.L. 1993. Naselenie regiona: izmenenie tendencij // Minakir P.A. (red.) Ehkonomicheskaja reforma na Dal'nem Vostoke: Rezul'taty, problemy, koncepcija razvitiya. — M.].

Олсон М. 1998. *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. — Новосибирск [Olson M. 1998. Vozvyshenie i upadok narodov: Ehkonomicheskij rost, stagfljacija i social'nyj skleroz. — Novosibirsk].

Пастухов В.Б. 2014. *Витязь на распутье: старые сказки о российской государственности на новый лад* [Pastukhov V.B. 2014. Vitjaz' na rasput'e: starye skazki o rossijskoj gosudarstvennosti na novyj lad] (<http://polit.ru/article/2014/05/25/crossroads/>).

Ремнев А.В. 2011. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. № 3 [Remnev A.V. 2011. Nacional'nost' «sibirjak»: regional'naja identichnost' i istoricheskij konstruktivizm XIX v. // Politeia. № 3].

Рожанский М. 2013. *Октябрь 1993 года: «огонь по регионам!»* [Rozhanskij M. 2013. Oktjabr' 1993 goda: «ogon' po regionam!»] (<http://russie.hypotheses.org/1359>).

Сергеев Е.Ю. 2012. *Большая игра, 1856—1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. — М. [Sergeev E.Ju. 2012. Bol'shaja igra, 1856—1907: Mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii. — M.].

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М. [Scott J. 2005. Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni. — M.].

Унтербергер П.Ф. 1912. *Приамурский край, 1906—1910 гг.* — СПб. [Unterberger P.F. 1912. Priamurskij kraj, 1906—1910 gg. — SPb.].

Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М. [Foucault M. 1999. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tjur'my. — M.].

Фукуяма Ф. 2007. *Конец истории и последний человек*. — М. [Fukuyama F. 2007. Konec istorii i poslednij chelovek. — M.].

Хайдеггер М. 2002. *Бытие и время*. — СПб. [Heidegger M. 2002. Bytie i vremja. — SPb.].

Хромов П.А. 1950. *Экономическое развитие России в XIX—XX веках (1800—1917 гг.)*. — М. [Khromov P.A. 1950. Ehkonomicheskoe razvitie Rossii v XIX—XX vekakh (1800—1917 gg.). — M.].

Черная Е.В. 2011. *Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны*. — Владивосток [Chernaja E.V. 2011. Zemskoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke v uslovijakh revoljucij i grazhdanskoj vojny. — Vladivostok].

Черный А.К. 1998. *Остаюсь дальневосточником: Воспоминания государственного и партийного деятеля*. — Хабаровск [Chernyj A.K. 1998. Ostajus' dal'nevostochnikom: Vospominanija gosudarstvennogo i partiijnogo dejatelja. — Khabarovsk].

Штейнфельд Н.П. 1910. Русская торговля в Маньчжурии в характеристике местного купечества // *Вестник Азии. Журнал Общества русских ориенталистов*. № 3 (Харбин) [Shtejnfel'd N.P. 1910. Russkaja trgovlja v Man'chzhurii v kharakteristike mestnogo kupechestva // Vestnik Azii. Zhurnal Obshhestva russkikh orientalistov. № 3 (Kharbin)].

Щербина Т. 2014. *Повторяющаяся история* [Shherbina T. 2014. Povtorjajushhajasja istorija] (<http://gefter.ru/archive/12325>).

Blum A. 1998. A l'origine des purges de 1937 — l'exemple de l'administration de la statistique démographique // Blum A. *Statistique, démographie et politique: Deux études sur l'histoire de la statistique et de la statistique démographique en URSS (1920—1939)*. — P.

Felice R. de. 1969. *Le interpretazioni del fascismo*. — Bari.